

ДИСКУССИИ О ВЛАСТИ

БИОВЛАСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ¹

В.А. Гуторов

gut-50@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Гуторов В.А. Биовласть и политическое: актуальные аспекты современных дискуссий // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 189–201.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.7>

Аннотация. Концепция биополитики и ее многообразные версии затронули фактически все уровни политического знания. Швейцарско-немецкий философ и теоретик культуры Бюнг-Чул Хан специально выделяет принципиально важное замечание Мишеля Фуко о том, что биополитика — это государственная технология дисциплинарной власти. Однако неолиберализм как дальнейшее развитие и по сути видоизмененная форма капитализма, открыл *psyche* как производительную силу, осуществив поворот к психополитике. Французский философ и антрополог Бернар Стиглер также постоянно акцентирует тезис, согласно которому концепция биовласти Фуко уже не соответствует времени и ей на смену приходит «психотехнологическая психовласть». При этом речь идет о «мягких» и психологических потрясениях, центром которых являются предметы потребления. После «консервативной революции» именно маркетинг определяет условия, в которых социализируются технологические инновации, заменяя общественные политические системы. Одно из наиболее существенных возражений, с которыми обычно сталкиваются

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Экспертного института социальных исследований, проект № 21-011-31167 «Неолиберализм в современном политическом дискурсе: “посттрадиционный порядок” и кризис идентичности».

сторонники концептуальной модели биовласти, разработанной М. Фуко, состоит в следующем: почему суверенная власть, которой теперь по большей части отведена подчиненная роль, продолжает определять наше понимание политического? Хорошо известно, что Фуко рассматривает политическую философию в кантианском смысле как интеллектуальный проект по определению надлежащих границ политической власти: философия как дискурс, который *par excellence* связан с истиной, может установить пределы прав власти. Немецкий философ Томас Лемке вполне правомерно акцентирует внимание на том, что в таком переосмыслении фундаментальных проблем политической философии концепция биополитики играла далеко не последнюю роль. Точно так же концепция власти Фуко критически дистанцируется как от юридических, так и от «воинственных» понятий, которые рассматривают власть с точки зрения силы. В итоге власть и свобода не образуют противоположностей, включающих друг друга. Во многих отношениях «свобода» становится экзистенциальным условием власти. Разумеется, остается открытым вопрос, в какой мере обозначенные выше дискуссии вокруг новых проблем политической онтологии находят отклик в современной политологии и политической психологии. Сравнительный анализ научных трудов, посвященных проблемам политической власти и политического лидерства, на наш взгляд, свидетельствует о том, что многие ученые склонны разделять не новейшие интерпретации философии власти Мишеля Фуко, но скорее обозначенные выше теоретические позиции и принципы Бюнг-Чул Хана и Бернара Стиглера. Воздействие идей последних отчасти проявляется в формировании новых психополитических интерпретаций власти, например в рамках трех психологических концепций, которые анализируют различные типы политического лидерства и реакции социальных групп — «власть как контроль», «власть как угроза», «власть: приближение и сдерживание».

Ключевые слова: биовласть, биополитика, политическое, власть, капитализм, психополитика, неолиберализм, свобода, политическая философия, политическое лидерство.

Концепция биополитики и ее многообразные версии, возникшие во второй половине XX в. и приобретающие в наши дни особенную интенсивность, затронули фактически все уровни политического знания — от классической политологии до различных направлений политической теории и систем политической философии, знаменуя весьма характерный поворот в интерпретации понятия «политическое». В современной научной и философской литературе широко представлены различные гипотезы относительно причин подобного дискурсив-

ного поворота. Например, в книге «Психополитика: неолиберализм и новые технологии власти» швейцарско-немецкий философ и теоретик культуры Бюнг-Чул Хан специально выделяет принципиально важное замечание Мишеля Фуко о том, что начиная с XVII в. власть перестала проявляться как способность богоподобного властителя предрешать смерть и вместо этого приняла дисциплинарную форму. Сила суверенитета — это мощь меча. Он угрожает смертью и использует «привилегию овладевать жизнью, чтобы подавлять ее». Напротив, дисциплинарная власть — это не сила, имеющая дело со смертью, а власть над жизнью: ее функция больше не убивать, а «повсеместно инвестировать в жизнь». Таким образом, «старая сила смерти» уступает место осторожному «управлению телами» и «расчетливому управлению жизнью». Дисциплинарная власть открыла «население» как производительную и репродуктивную массу, которой нужно тщательно управлять. К этой задаче и обращается биополитика. Репродуктивные циклы, рождаемость и смертность, уровень общего здоровья и ожидаемая продолжительность жизни являются объектами регулирования. Фуко открыто обсуждает биополитику населения. Биополитика — это государственная технология дисциплинарной власти. Однако такой подход оказывается совершенно непригодным для неолиберального режима, который эксплуатирует прежде всего психику. Биополитика, использующая статистику населения, «не имеет доступа к психическому царству». Она не может дать материал для составления психограммы населения. Но неолиберализм как дальнейшее развитие и по сути — видоизмененная форма капитализма, не рассматривает «биологическое, соматическое и телесное» в качестве приоритетов. Он открыл *psyche* как производительную силу. Этот психический поворот, то есть поворот к психополитике, также связан с характером деятельности современного капитализма. Теперь нематериальные и нефизические формы производства определяют курс капитализма [Byung-Chul Han 2017: 39–40].

В книге «Забота о молодежи и поколениях» французский философ и антрополог Бернар Стиглер настаивает на том, что концепция биовласти Фуко стала уже анахронизмом: «Биовласть Фуко, которую он сам описывает..., локализуя ее в Европе исторически и географически, больше не является силой, стоящей за нашей эпохой». По его мнению, на смену биовласти приходит «психотехнологическая психовласть» [Stiegler 2010: 126].

В другой своей работе «Состояния шока: глупость и знание в XXI веке» Стийлер отмечает, что современная публичность как социальное явление (*modern public thing*) возникло в XIX в. в форме национального государства. «Бертран Гилле показал, что его первая цель заключалась в уменьшении диспропорции между технической системой и социальными системами путем сохранения последних, то есть путем поглощения потрясений». Однако, консервативная революция, решив, что «правительство является проблемой, а не решением», стремится к ликвидации всей государственной власти, которую нужно заменить маркетингом как светским рычагом частной финансовой власти. Последняя привержена оркестровке постоянных потрясений. При этом речь идет о «мягких» и психологических потрясениях, центром которых являются предметы потребления. «Это позволяет установить крупномасштабные (глобальные) процессы “коллективного выстраивания в одну линию” (*co-linearization*), посредством которых психические цели подчиняются требованиям экономической сферы, а социальные цели замыкаются». После «консервативной революции» именно маркетинг определяет условия, в которых социализируются технологические инновации, заменяя общественные политические системы. «Эти системы до сих пор позволяли социальным системам адаптировать техническую систему, “трансформируя и транс-индивидуализируя становление в будущее [*le devenir en avenir*]” и тем самым открывая возможность второго момента эпохального удвоения, посредством которого короткие замыкания в переходном состоянии уступают место длинным замыканиям» [Stiegler 2015: 175–176].

Одно из наиболее существенных возражений, с которыми обычно сталкиваются сторонники концептуальной модели биовласти, разработанной М. Фуко, состоит в следующем: «Почему суверенная власть, которой теперь по большей части отведена подчиненная роль, продолжает определять наше понимание политического? Иными словами, если биовласть действительно стала широко распространенной современной моделью власти, как утверждает Фуко, почему она не узнаваема как таковая?» [Cisney, Morar 2016: 14].

По мнению Антонио Негри, Фуко начал разрабатывать свою концепцию в рамках уже сложившейся идейной парадигмы: структурализм атаковал «автономию политического» и любую идеологию, которая изолировала функцию политического от экономической и социальной борьбы. Хотя в структурализме политическое уже приобрело биополи-

тический оттенок, «переход Фуко к биополитическому не был буквальным переводом положений Франкфуртской школы («Одномерный человек» Маркузе), где человеческое все еще воссоединяется вокруг онтологии власти, пусть даже в состоянии отчуждения и всеобщего деспотизма. У Фуко мы имеем дело с полной противоположностью, потому что человеческое волнуется, движется и изменяется. Другими словами, поскольку структуралистский контекст преодолевается субъективностью, он открывает множество измерений» [Negri 2016: 53–54].

Постулируя тезисы о «полной противоположности» фукодианской трактовки биополитического постструктуралистским интерпретациям, А. Негри практически оставляет в стороне вопрос о той роли, которую играла политико-философская составляющая в процессе преодоления «структуралистского контекста». Хорошо известно, что Фуко рассматривает политическую философию в кантовском смысле как интеллектуальный проект по определению надлежащих границ политической власти [Simons 2002: 51]. В частности, он подчеркивал, что «мы можем сформулировать традиционный вопрос политической философии в следующих терминах: каким образом дискурс истины или, проще говоря, философия как дискурс, который *par excellence* связан с истиной, может установить пределы прав власти?» [Foucault 1980: 93; см. также: Hoffman 2014: 11].

В своей работе «Биополитика: продвинутое введение» Томас Лемке вполне правомерно акцентирует внимания на том, что в таком переосмыслении фундаментальных проблем политической философии концепция биополитики играла далеко не последнюю роль: «Биополитика требует систематического знания “жизни” и “живых существ”. Системы знаний предоставляют когнитивные и нормативные карты, которые открывают биополитические пространства и определяют как субъекты, так и объекты вмешательства. Они делают реальность жизни постижимой и рассчитанной таким образом, чтобы ее можно было формировать и преобразовывать. Таким образом, необходимо понять режим истины (и его избирательность), который составляет основу биополитических практик. Следует задаться вопросом, какие знания о теле и жизненных процессах считаются социально значимыми и, напротив, какие альтернативные интерпретации обесцениваются или маргинализируются. Какие научные эксперты и дисциплины имеют законные полномочия говорить правду о жизни, здоровье или конкретном населении? В каком словаре описываются, измеряются, оценива-

ются и критикуются жизненные процессы? Какие когнитивные и интеллектуальные инструменты и технологические процедуры готовы произвести истину? Какие предложения и определения проблем и задач, касающихся жизненных процессов, получают общественное признание?» [Lemke 2011: 119] (ср.: [Lemke 2021: 136–140]).

Аналитика «дискурса истины» в философии Фуко теснейшим образом связана с переосмыслением этических проблем интерпретации власти. Этот аспект довольно подробно исследован в новейшей работе Томаса Лемке «Анализ современной правительности Фуко: критика политического разума» (см.: [Lemke 2019]). По его мнению, концепция этики Фуко указывает не на индивидуальные самореализации, а на коллективный образ жизни. «Его “генеалогия современного субъекта” пытается избежать альтернативы между субъективизмом и объективизмом; при более внимательном рассмотрении “нечестивый субъективизм”, который должен придерживаться этого предприятия, проявляется как политический интерес к субъективности, находящийся за пределами христианской пастьерской власти. Что интересует Фуко в этической проблематике, так это “идея о том, что этика может быть очень сильной структурой существования, не имеющей никакого отношения к юридическому *per se*, с [соответствующей] авторитарной системой и дисциплинарной структурой”» [Lemke 2019: 315].

Теоретическая оценка этики Фуко и его анализ с точки зрения «поведения» (*conduite*) придают его концепции власти большую точность. Фуко определяет сферу властных отношений как взаимодействие между технологиями «я» и технологиями господства; при этом фактические возможности, с одной стороны, отличаются от коммуникативных отношений, с другой. Точно так же его концепция власти критически дистанцируется как от юридических, так и от «воинственных» понятий, которые рассматривают власть с точки зрения силы. Возможно, двусмысленный характер термина «поведение» является одним из лучших помощников в понимании специфики властных отношений. Ибо «вести» означает в то же время «вести за собой» других (в соответствии с механизмами принуждения, которые в той или иной степени являются весьма строгими) и способ поведения в более или менее открытом поле возможностей. Осуществление власти состоит в том, чтобы определить возможность поведения и упорядочить возможные результаты. «Тем не менее, из этого определения власти как “руководящего поведения” (“conducting conducts”) не следует, что методы управления исклю-

чают применение силы; это также не означает, что согласие не имеет преимущественной силы. Это различие скорее аналитическое, чем эмпирическое. Действительно, властные отношения могут включать юридическое или фактическое соглашение, так же как они могут действовать посредством силы или принуждения. Ключевым моментом является то, что такие элементы не образуют властных отношений. Они могут быть следствием или инструментом властных отношений, но не их основанием или принципом» [Lemke 2019: 316].

В этих условиях властные отношения приобретают особую форму: это не вопрос статических отношений между людьми; скорее они принимают форму действия над действиями. Этот момент относительности и рефлексивности отделяет властные отношения от отношений, определяемых соглашением или насилием. «Сами по себе» властные отношения не являются насилием. Это полная структура действий, которые накладываются на возможные действия; «она подстрекает, она побуждает, соблазняет, облегчает или затрудняет, в высшей степени сдерживает или запрещает абсолютно; тем не менее, это всегда способ воздействия на действующего субъекта или действующих субъектов в силу их действия или способности действовать. В таких условиях властные отношения предполагают как действующих субъектов, так и существование поля возможностей, допускающего множество различных ответов, реакций, способов поведения и так далее. Это означает, что властные отношения различаются «вычислением» того, что делают субъекты: оказанием влияния и определением действий, формированием и управлением волей. Отношения власти характеризуют не решимость в строгом смысле, а открытость и незавершенность. «Характерной чертой власти является то, что одни люди могут более или менее полностью определять поведение других людей, но они никогда не действуют изнуряюще или принудительно» [Lemke 2019: 316–317].

Томас Лемке завершает свой анализ «дискурса истины» следующим весьма знаменательным заключением: в политической философии Фуко свобода представляет собой центральный элемент во властных отношениях. «В аналитике управления Фуко власть и свобода не образуют противоположностей, исключаящих друг друга. Вместо этого, во многих отношениях, “свобода” становится экзистенциальным условием власти: она обеспечивает онтологическое предварительное условие для отношения власти, поскольку осуществление власти в качестве воздействия на возможные или фактические действия требует субъек-

тивной свободы; кроме того, она становится материальным носителем властных отношений, поскольку без “свободы” само властное отношение исчезнет и уступит место простому насилию. Это означает, что “свобода” и власть не только не исключают друг друга, но фактически включают друг друга, в результате чего “свобода” представляет собой характерный элемент внутри властных отношений. Власть осуществляется только над свободными подданными и только постольку, поскольку они свободны». [Lemke 2019: 318].

Разумеется, остается открытым вопрос, в какой мере обозначенные выше дискуссии вокруг новых проблем политической онтологии находят отклик в современной политологии и политической психологии. Сравнительный анализ научных трудов, посвященных проблемам политической власти и политического лидерства, на наш взгляд, свидетельствует о том, что многие ученые склонны разделять не новейшие интерпретации философии власти Мишеля Фуко, а скорее обозначенные выше теоретические позиции и принципы Бюнг-Чул Хана и Бернара Стиглера. Воздействие идей последних отчасти проявляется в формировании новых психополитических интерпретаций власти, например в рамках трех психологических концепций, посредством которых анализируются различные типы политического лидерства и реакции социальных групп — «власть как контроль» (Power as Control), «власть как угроза» (Power as Threat), «власть: приближение и сдерживание» (Power, Approach, and Inhibition) (см.: [Leadership and Power 2003: 142 sq.]).

Сторонники концепции «власти как контроля» (РАС) (С. Гудвин и др.) утверждают, что власть может изменить как мотивацию, так и когнитивные ресурсы, необходимые для формирования адекватных ответных реакций со стороны подчиненных. Утрачивая (нередко намеренно) источники информации от социальных групп, власть предрежащие склонны полагаться на собственные субъективные восприятия. «Стереотипы по умолчанию» — это не требующая усилий стратегия, характеризующаяся невниманием к ожиданиям подвластных [Goodwin 2003: 142–143].

Концепция «власти как угрозы» (РАТ) (Д. Джорджсен, М. Харрис) аналогичным образом фокусирует внимание на оценке подчиненных властями. Однако она определяет характер угрозы путем проекции негативных реакций на подвластных. Согласно этой теории, сам факт занятия властных позиций обычно содержит в себе «некоторую форму

угрозы». Когда угрозы становятся заметными, у сильных мира сего может появиться мотивация для предвзятых суждений не только о подчиненных, но и о самих себе. Важно отметить, что данная теория отличает «угрозы, основанные на самооценке» от угроз властным позициям «снизу» [Georges, Harris 1998: 184–95; Georges, Harris 2000: 1239–1257; Goodwin 2003:143].

Согласно теории «власти как приближения и сдерживания» (РАИ) (Д. Кельтнер и др.), возрастающая власть активизирует систему «взаимодействия сближающихся подходов», тогда как ее недостаточность провоцирует «систему торможения». При этом предполагается, что различные варианты активации и дезактивации власти порождают предвзятость, согласующуюся с двумя другими, обозначенными выше, моделями. Предполагается, что эти процессы увеличивают вероятность того, что власть имущие будут унижать подчиненных и обращаться с ними неэтично [Keltner, Gruenfeld, Anderson 2003: 265–284].

Частично отталкиваясь от обозначенных выше теорий, Стефен Рейхер и Ник Хопкинс отмечают в статье «О науке искусства лидерства», что «в послевоенный период было проведено множество клинических исследований, в которых харизматические лидеры были диагностированы как страдающие целым рядом психотических расстройств и расстройств личности. Ирония заключается в том, что, когда влиятельным лидерам ставят диагноз безумия, им отказывают в той самой посреднической деятельности, которая первоначально делала их привлекательными. Итак, возможно ли предоставить свободу воли лидеру, не отнимая ее у всех остальных? Можем ли мы представить себе лидерство таким образом, чтобы допустить иные возможности, помимо оглуляющей тупости и абсолютной тирании? В частности, дает ли социальная психология выход за рамки таких непривлекательных альтернатив? <...> Акцент на личностных чертах, которые характеризуют эффективного лидера в довоенный период, уступил место теориям непредвиденных обстоятельств, исследующим ситуации, в которых различные личности выходят на первый план. Смысл таких моделей состоит в том, что никто из лидеров, какими бы качествами они не обладали, не может творить мир так, как он захочет. Хотя лидеры могут иметь власть при определенных обстоятельствах, именно (общий) контекст скорее определяет их влияние, чем их стремления создавать свои собственные контексты. Но, несмотря на такой акцент, в моделях непредвиденных обстоятельств обычно не учитывается тот факт, что

ключевым контекстом, в котором действуют лидеры, является группа. Нет оснований признавать взаимозависимость между лидерством и приверженностью. Следовательно, такие модели не представляют собой расширения деятельности от лидеров до тех, кто за ними следует. Ибо каким образом те, кто отсутствуют, могут быть деятельными индивидами? Скорее они представляют собой частичное ограничение даже той свободы воли, которая предоставляется лидерам» [Reicher, Hopkins 2003: 197–198].

В целом тональность статьи довольно пессимистичная. Ее постоянным лейтмотивом является следующее рассуждение: «Хотя такая позиция представляет собой полное поражение героического взгляда на лидерство, она также делает массы пассивными. Последователи, как и их лидеры, похоже, действуют исходя из идентичности, которая определяется контекстом, а не ими самими. Они могут одобрять прототипных лидеров, но и в этом деле их выбор весьма невелик. Поэтому, хотя лидеры и последователи связаны вместе, дело не в том, что воля лидера уравнивается волей последователей, а в том, что и те, и другие выглядят как марионетки групповых процессов. Это не столько перераспределение деятельных возможностей и воображения, сколько их забвение» [Reicher, Hopkins 2003: 199].

Такого рода пессимизм суждений, на наш взгляд, имеет фундаментальный характер, поскольку в нем весьма рельефно отражаются многообразные версии той «психологической экспертизы», на основании которой современные ученые постоянно ставят нелицеприятный диагноз современной неолиберальной модели власти (см., например: [Klein 2017: 118–123]). Разумеется, их шансы «быть услышанными» сравнительно невелики. Однако постоянно возобновляющиеся попытки такого рода до известной степени реабилитируют имидж академического сообщества в качестве политического актора, что само по себе не может не внушать пусть даже осторожный оптимизм.

Литература/References

Byung-Chul Han. *Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power*. London; New York: Verso, 2017. 96 p.

Cisney V.W., Morar N. Introduction: Why Biopower? Why Now? In: *Biopower: Foucault and Beyond*. Ed. by V. W. Cisney, N. Morar. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016, pp. 1–25.

Foucault M. *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*. Ed. by C. Gordon. New York: Pantheon Books, 1980. 270 p.

Georges J.C., Harris M.J. Why's My Boss Always Holding Me Down? A Meta-analysis of Power Effects on Performance Evaluations. *Personality and Social Psychology Review*, 1998. no 2, pp. 184 — 195.

Georges J.C., Harris M.J. The Balance of Power: Interpersonal Consequences of Differential Power and Expectations. *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2000, no 26, pp. 1239–1257.

Goodwin S.A. Power and Prejudice: A Social-Cognitive Perspective on Power and Leadership. In: *Leadership and Power: Identity Processes in Groups and Organizations*. Ed. by D. Van Knippenberg, M.A. Hogg. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2003, pp.138–152.

Hoffman M. *Foucault and Power: The Influence of Political Engagement on Theories of Power*. New York; London; New Delhi; Sydney: Bloomsbury, 2014. 221 p.

Keltner D., Gruenfeld D.H., Anderson C. Power, Approach, and Inhibition. *Psychological Review*, 2003, no 110 (2), pp. 265–284.

Klein E. *Developing Minds: Psychology, Neoliberalism and Power*. London; New York: Routledge, 2017. 140 p.

Leadership and Power: Identity Processes in Groups and Organizations. Ed. by D. Van Knippenberg, M.A. Hogg. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2003. 263 p.

Lemke Th. *Biopolitics: An Advanced Introduction*. New York; London: New York University Press, 2011. 144 p.

Lemke Th. *Foucault's Analysis of Modern Governmentality: A Critique of Political Reason*. London; New York: Verso, 2019. 464 p.

Lemke Th. *The Government of Things: Foucault and the New Materialisms*. New York: New York University Press, 2021. 320 p.

Negri A. At the Origins of Biopolitics. In: *Biopower: Foucault and Beyond*. Ed. by V.W. Cisney, N. Morar. Chicago; London: University of Chicago Press, 2016, pp. 48–64.

Reicher S., Nick Hopkins N. On the Science of the Art of Leadership. In: *Leadership and Power: Identity Processes in Groups and Organizations*. Ed. by D. Van Knippenberg, M.A. Hogg. London; Thousand Oaks; New Delhi: SAGE Publications, 2003, pp. 197–209.

Simons J. *Foucault and the Political*. London; New York: Routledge, 2002. 152 p.

Stiegler B. *Taking Care of Youth and the Generations*. Stanford, California: Stanford University Press, 2010. 238 p.

Stiegler B. *States of Shock: Stupidity and Knowledge in the 21st Century*. Cambridge: Polity, 2015. 280 p.

BIOPOWER AND THE POLITICAL: ACTUAL ASPECTS OF CONTEMPORARY DISCUSSIONS*

V. Gutorov

gut-50@mail.ru

St. Petersburg State University

St.-Petersburg, Russia

Citation: Gutorov V. Biovlást' i politicheskoye: aktual'nyye aspekty sovremennykh diskussiy [Biopower and the political: actual aspects of contemporary discussions]. Vlast' i elity [Power and Elites], 2021, 8 (2): 189–201. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.7>

**The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research, project no. 21-011-31167 “Neoliberalism in modern political discourse: ‘post-traditional order’ and the crisis of identity”.*

Abstract. *The concept of biopolitics and its diverse versions, which emerged in the second half of the 20th century and are acquiring special intensity today, have affected virtually all levels of political knowledge — from classical political science to various areas of political theory and systems of political philosophy, marking a very characteristic turn in the interpretation of the concept of the political. The Swiss-German philosopher and cultural theorist Byung-Chul Han specifically highlights Michel Foucault’s fundamentally important remark that biopolitics is a state technology of disciplinary power. However, neoliberalism, as a further development and, in fact, a modified form of capitalism, opened psyche as a productive force, having made a turn towards psychopolitics. The French philosopher and anthropologist Bernard Stigler also constantly emphasizes the thesis that Foucault’s concept of biopower has already become an anachronism and is being replaced by “psychotechnological psychopower”. In this case, we are talking about “soft” and psychological shocks, the center of which are consumer goods. After the “conservative revolution”, it is marketing that determines the conditions in which technological innovation is socialized, replacing social political systems. One of the most significant objections that supporters of the conceptual model of biopower developed by M. Foucault usually face is the following: why does sovereign power, which is now largely assigned a subordinate role, continue to determine our understanding of the political? It is well known that Foucault views political philosophy in the Kantian sense as an intellectual project for defining the proper boundaries of political power: philosophy, as a discourse that is par*

excellence bound up with truth, can establish the limits of the rights of power. The German philosopher Thomas Lemke quite rightly focuses on the fact that in such a rethinking of the fundamental problems of political philosophy the concept of biopolitics played an important role. Likewise, the Foucault' concept of power critically distances himself from both legal and "belligerent" concepts that view power in terms of strength. As a result, power and freedom do not form opposites that exclude each other; in many ways, "freedom" becomes an existential condition of power. Of course, the question remains open to what extent the above-mentioned discussions around new problems of political ontology find a response in modern political science and political psychology. A comparative analysis of scientific works devoted to the problems of political power and political leadership, in our opinion, indicates that many scientists are inclined to share not the newest interpretations of Michel Foucault's philosophy of power, but rather the theoretical positions and principles of Byung-Chul Khan and Bernard Stigler. The influence of the latter's ideas is partly manifested in the formation of new psychopolitical interpretations of power, for example, within the framework of three psychological concepts, within the framework of which various types of political leadership and reactions of social groups are analyzed — "power as control"; "power as a threat"; "power: approach and inhibition".

Keywords: *biopower, biopolitics, the political, power, capitalism, psychopolitics, neoliberalism, freedom, political philosophy, political leadership.*